

Янь Чэн, конечно, не сказал бы, что ему больно. Видеть улыбку Сун Цзиньшу стоило всех его страданий.

Он обнял Сун Цзиньшу, мягко поглаживая его по голове, и вскоре услышал, как из его груди вырвался громкий плач.

Янь Чэн замер, еще крепче прижал его к себе и, вспомнив, как мать утешала его в детстве, усадил Сун Цзиньшу к себе на колени, слегка покачивая.

— Плачь, плачь, и все пройдет.

Сун Цзиньшу плакал, пока не устал, и уснул в объятиях Янь Чэна.

Янь Чэн только что уложил его на кровать, как услышал, что в магазин пришли люди. Он наклонился, поцеловал Сун Цзиньшу в лоб и вышел из спальни, поручив служанке следить, чтобы его никто не беспокоил.

Сун Цзиньшу спал беспокойно, в его снах причудливые огни распространялись со всех сторон. Он видел себя, худого и слабого, стоящего в центре комнаты.

Родители обсуждали с свахой приданое и подарки, и он не мог вставить слово, поэтому вышел из двора. Дорога за домом была извилистой, и он быстро потерялся.

Внезапно перед глазами возникла картина его свадьбы с Янь Чэном. Янь Чэн выглядел раздраженным, и даже церемония была проведена только под давлением родителей, которые вызвали его из квартала красных фонарей.

Сун Цзиньшу чувствовал резкий запах пудры и духов на нем. Когда с него сняли покрывало, он увидел, что его живот уже был сильно округлен.

Янь Чэн не ждал ребенка от Сун Цзиньшу. Он снова напился, и его вынесли из кареты кучер. Сун Цзиньшу, с большим животом, неуклюже пытался помочь ему, но Янь Чэн оттолкнул его.

Живот ударился о острый край ступеньки, и Сун Цзиньшу тут же покрылся потом от боли, но Янь Чэн даже не взглянул на него, войдя в дом с помощью Чжао Цзинь.

Из-за этого удара Сун Цзиньшу родил раньше срока. Кровь продолжала течь, окрашивая простыни под ним, и он изо всех сил старался родить ребенка.

Янь Чэн, услышав новости от кого-то, вернулся, когда ребенок начал плакать. Сун Цзиньшу, измученный, пытался подняться, чтобы взять ребенка у акушерки.

Но Янь Чэн опередил его, забрав ребенка.

Глаза Сун Цзиньшу загорелись, его губы слегка приоткрылись, ожидая, что Янь Чэн даст ребенку имя, но вместо этого он забрал ребенка с собой.

— Чжао Цзинь недавно потеряла ребенка, пусть этот ребенок будет усыновлен ею.

Сун Цзиньшу, изо всех сил стараясь подняться с кровати, ударился коленями о холодный пол. Никто не знал, как он, только что родивший, смог доползти до двери.

— Ребенок... ребенок...

Снег покрыл его колени, но он не чувствовал холода, протягивая руки, чтобы забрать ребенка из рук Янь Чэна. В конце концов он упал в снег, его тело замерзло.

Сон был настолько реальным, словно это действительно произошло. Сун Цзиньшу крепко сжимал одеяло, на его лбу выступал холодный пот.

Время в сне текло быстро. Маленький ребенок, спотыкаясь, бросился в объятия Сун Цзиньшу, сладко называя его:

— Мама.

Сун Цзиньшу протянул руки, чтобы обнять его, но увидел, как Чжао Цзинь, поддерживая свой живот, ударила ребенка по лицу.

— Мой сын непослушен, он обидел госпожу, я заберу его и накажу.

«Нет, не бей его, это мой ребенок!»

Сун Цзиньшу тяжело дышал, слезы текли по его лицу. Янь Чэн быстро поднял его с кровати, похлопывая по спине, чтобы разбудить.

— Тебе приснился кошмар?

Сун Цзиньшу все еще был в плену предыдущего сна, крепко сжимая рукав Янь Чэна, слабым голосом сказал:

— Не забирай, не забирай моего ребенка.

Эти бессвязные слова Янь Чэн понял. Его глаза мгновенно наполнились слезами, он крепко прижал Сун Цзиньшу к груди, губы касаясь его холодного лба:

— Не заберу, это твой ребенок.

— Ты... ты забрал его. Это... это мой ребенок.

Сун Цзиньшу крепко закрыл глаза, его лицо было бледным, как тонкая пленка, словно его можно было легко прорвать. Пот пропитал его виски, волосы прилипли к лицу, делая его еще более хрупким.

Янь Чэн был как громом поражен, он мог только крепче обнять Сун Цзиньшу, произнося слова утешения.

Он никогда не думал, что Сун Цзиньшу однажды узнает о прошлом. Он обманывал себя, думая, что если он будет хорошо относиться к Сун Цзиньшу в этой жизни, то прошлое исчезнет.

Но только сейчас он понял, что причиненный им ущерб никогда не может быть стерт, даже если Сун Цзиньшу не помнит прошлую жизнь, даже если это был всего лишь кошмар, он мог разрушить его.

Янь Чэн сжал руку Сун Цзиньшу, каждый его трепет был как укол в сердце. Он колебался, стоит ли рассказывать о прошлой жизни, как Сун Цзиньшу поднял голову.

Его глаза были полны слез, свет свечи отражался в них, пламя колебалось от легкого ветерка. Янь Чэн с тревогой смотрел на него, боясь, что этот огонек погаснет.

— Второй господин, — Сун Цзиньшу, словно без костей, облокотился на грудь Янь Чэна, его дыхание было прерывистым и нервным. — Я... я хочу ребенка.

Он отчаянно хотел ребенка, чтобы разрушить глубокую тревогу, вызванную кошмаром.

Он хотел доказать себе: все это было ложью, кошмаром, а не реальностью.

Свет в глазах Сун Цзиньшу был слабым, и Янь Чэн не мог не согласиться. Услышав его слова, его сердце разрывалось, он наклонился и крепко поцеловал бледные губы Сун Цзиньшу.

Все, что ты хочешь, я дам тебе.

Боясь, что Сун Цзиньшу заикнется на своих мыслях, Янь Чэн на следующий день решил отвезти его на юг, в Яньчэн.

Магазин готовой одежды недавно расширился, и управляющий присмотрел участок земли в Яньчэне. Вчера Янь Чэн обсуждал это с работниками, пришедшими домой.

Он изначально не планировал брать Сун Цзиньшу с собой, путь был долгим и утомительным, и он боялся, что Сун Цзиньшу будет некомфортно в карете, но теперь ему пришлось взять его.

Яньчэн, как следует из названия, был известен производством соли. Каждый год Юду закупал соль из Яньчэна. Сотни акров соляных полей принадлежали нынешнему князю Дуань, и Яньчэн, естественно, находился под его управлением.

Сун Цзиньшу сел в карету и сразу же заснул на груди Янь Чэна. Тот, глядя на его бледное лицо, отодвинул волосы с его щеки и велел кучеру ехать медленнее.

Яньчэн находился на юге, где круглый год царил весна.

Янь Чэн в последний раз был в Яньчэне, когда только начинал управлять магазином готовой одежды. Он приехал сюда с отцом, чтобы встретиться с вторым управляющим лавки тканей, и тогда он почувствовал, что Яньчэн более свободен, чем Юду.

Но сегодня у ворот города стояли усиленные патрули, тяжело вооруженные солдаты охраняли вход, внимательно проверяя каждого, кто входил в город.

— Быстрее, быстрее, после полудня ворота закроются. Все будьте начеку, подозрительных не пускать.

Карета постепенно остановилась. Охранник откинул занавеску, солдат, вспотевший в тяжелых доспехах, заглянул внутрь и грубо спросил кучера о происхождении и роде занятий пассажиров.

Сун Цзиньшу проснулся от шума, потирая глаза, он поднял голову с плеча Янь Чэна и, увидев за окном совсем другой пейзаж, наконец пришел в себя.

— Мы приехали?

— Да, — Янь Чэн достал платок и вытер слезы в уголках глаз Сун Цзиньшу. — Мы в Яньчэне.

— Пожалуйста, выйдите из кареты и войдите в город пешком, — раздался голос солдата снаружи. — В последние дни в городе находится важный человек, и лошадям нельзя въезжать.

Янь Чэн помог Сун Цзиньшу выйти из кареты и увидел, что у ворот уже выстроилась длинная очередь. Двое работников, приехавших с ними, уже ушли вперед.

— Это ты, маленький господин!

Сзади раздался громкий возглас. Сун Цзиньшу и Янь Чэн обернулись и увидели охранника с мечом, идущего от соседней кареты.

Это был Лю Цун, которого они видели в храме.

— Лю... господин Лю.

Сун Цзиньшу робко заговорил, но на лице Лю Цуна появилась радостная улыбка.

— Ты помнишь меня!

Янь Чэн настороженно посмотрел на Лю Цуна, его брови нахмурились, и он ревниво притянул Сун Цзиньшу к себе.

Лю Цун только тогда перевел взгляд на Янь Чэна и сразу понял, кто он.

<http://bllate.org/book/16689/1531911>